

К 100-летию со дня рождения

А. Н. ТОЛСТОГО

ТАЛАНТ,
ОТДАННЫЙ НАРОДУ

В эти дни вся наша страна торжественно отмечает столетие со дня рождения классика русской советской литературы Алексея Николаевича Толстого.

Автор «Детства Никиты» и «Золотого ключика», «Хромого барина» и «Рассказов Ивана Сударева», «Гиперболоида инженера Гарина» и «Аэлиты», «Хождения по мукам» и «Петра I», удивительных, тяготеющих к эпике очерков о советских людях героической поры Великой Отечественной войны, любим и дорог каждому советскому человеку.

«Большевизм — это желание сделать мир — чудом», — записал в своем дневнике А. Н. Толстой на заре Советской власти. Сам писатель явил чудо воплощения в литературе советских людей, делающих новую жизнь.

Любовь к Родине была верным компасом в сложной жизни писателя, весь свой могучий талант он отдал родному народу.

«Поэтом многостороннего, полнокровного дара, человеком щедрой и вольной души, художником чуткого слуха и точного зрения» называл Алексея Толстого Константин Федин.

Достойный продолжатель традиций великой русской литературы, признанный корифей советской прозы, А. Н. Толстой был подлинным интернационалистом, добрым другом писателей и поэтов братских республик.

Ниже мы предлагаем вниманию читателя воспоминания известного азербайджанского писателя Сулеймана Велиева о встрече с А. Н. Толстым.

ЗА ДОЛГУЮ писательскую жизнь в моей памяти скопилось множество ярких встреч с друзьями — собратями по перу, много душевных — далеко за полночь — бесед и, конечно же, много автографов. Но на всю жизнь врезалась в память история, связанная с первым автографом, который я, красноармеец и начинающий писатель, получил от Алексея Николаевича Толстого. Воспоминания об этом так живы, что стоит закрыть глаза — и перед мысленным взором встает весенний Львов 1940 года, клуб писателей, в котором яблоку некуда упасть, и на сцене — Алексей Николаевич Толстой.

В ушах звучит его голос.

— Небо над Львовом очистилось, исчезли черные тучи. Город ваш стал свободно дышать, город ваш улыбается, — говорил Алексей Николаевич, — это — праздник всего советского народа и ваш праздник, работники творческого труда...

Он вышел из-за трибуны, остановился посредине сцены, оглядел зал:

— Я уже не вижу унылых лиц, не встречаю пессимистически настроенных поэтов, горько сетующих на жизнь. Это меня радует. Дорогие друзья, наступают долгожданные дни свободного творчества. Поздравляю вас...

Помнится, я исписал весь блокнот, стараясь не упустить ни слова из того, что говорил Алексей Николаевич.

Мне очень хотелось поговорить с Толстым, и по окончании вечера я стоял в сторонке и ждал случая подойти. Но знаменитый писатель был окружен таким плотным кольцом провожающих, что надежда на разговор испарялась на глазах. Но вот он вышел из «окружения» и неожиданно обратился ко мне.

— Товарищ красноармеец, а вы что здесь делаете? — спросил он меня.

— Пришел послушать вас.

— Откуда вы?

— Из Азербайджана.

— Очень приятно, очень приятно... Я знаком с творчеством Низами и Физули... Нам, русским, дорог и ваш Мирза Фатали Ахундов... — И, улынувшись, добавил: — Он и наш...

Я так растерялся от неожиданного счастья, что никак сообразить не мог, как мне к нему обратиться: то ли «товарищ Алексей Толстой», то ли «Алексей Николаевич»? Разгадав мои страдания, он сам спросил:

— Может, вас что-нибудь интересует?

— Да, — смущенно сказал я. — Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

— Ну, что же, пойдёмте прогуляемся по городу, потолкуем.

В первом попавшемся кафе мы выпили по чашке кофе. А потом долго ходили по городу. Признаться, поначалу я чувствовал себя скованным: Алексей Толстой — маршал от литературы, а я кто? Рядовой

солдат, слегка причастный к литературному цеху. Но стоило ему произнести несколько фраз, и неловкость как рукой сняло. Он умел и спросить, и ответить с такой непринужденностью, в таком доверительном тоне, что показало — мы знакомы сто лет.

Мы дошли до бульвара. Сели на скамейку.

— Итак, вы интересуетесь литературой? — спросил Алексей Николаевич. — И сами пишете. А что вы написали?

Я протянул ему три книжки, которые неловко держал до сих пор под мышкой.

— Ого, у вас уже свои книжки! Замечательно! Но я их не читал и, увы, ничего о них сказать не могу. Но посоветовать вам я все-таки кое-что попытаюсь. Собственно, то же самое, что я советую всем молодым: не спешить... поменьше писать... но писать! Написать, вообще-то говоря, можно много. Но счастлив тот, у кого есть хоть одно произведение, которое в силах принести автору заслуженную славу.

Потом разговор зашел о Самеде Вургуне.

— С Самедом я знаком лично... Да-а... Мы даже вместе с ним фотографировались... Мне нравятся его стихи! Он очень эмоциональный и смелый поэт. Перевести «Евгения» — это что-нибудь да значит! А как звучит на азербайджанском языке «Евгений Онегин»? Насколько он точен? Дает ли верное представление о Пушкине?

Я сказал, что «Евгений Онегин» в переводе Самеда Вургуня пользуется у нас в Азербайджане огромной популярностью. Произведение великого русского поэта отлично за-

звучало на азербайджанском языке и читается с огромным интересом.

Я сказал Алексею Николаевичу, что, как он уже, наверное, знает, у нас переведен и его замечательный роман «Петр Первый» и что он сразу был раскуплен, а в библиотеках — нарасхват.

— Меня очень интересует, как вы работали над этим произведением? — спросил я Алексея Николаевича. — По плану ли вы писали? Вообще, пользуетесь ли вы планами? Составляете ли их заранее?

— Да, я обычно пишу на основе плана. Но это вовсе не универсальный закон. Я знаю писателей, которые не признают никаких планов. Они утверждают, что план сковывает, мешает свободе письма. Кому что... Это, конечно, дело вкуса.

Мы заговорили о писателях, которые выступают сразу в различных жанрах, кто пишет и стихи, и прозу, и пьесы.

— Это довольно распространенное явление, — сказал Толстой. — Что ж, если писатель способен работать, и работать по-настоящему, не в одном, а в нескольких видах и жанрах литературы, — это его сила и достоинство. Но, повторяю, только в том случае, если это делается без профанации, грубее и точнее говоря, без халтуры.

И прибавил:

— Да, тут, батенька, опять-таки — никаких общих правил, за исключением одного: в литературе надо быть честным — и перед нею и перед самим собой. Написал что-то — посмотри, внимательно посмотри, сто раз посмотри и взвесь — что же ты написал, можно и нужно ли давать это в печать?.. Ващ покорный слуга, к примеру, в четырнадцать лет начал писать стихи, и вроде неплохие стихи, а сейчас никак не осмелюсь вытащить их на свет божий, так, наверное, и не решусь.

А бывает ведь так: глядишь, какой-нибудь уважаемый профессор, весьма авторитетный специалист в своей области, взял и тиснул в печать свои стихи. У него, видишь ли, появился аппетит на поэзию, ему мало быть ученым, захотелось еще и поэтом прослыть. Я испробовал свое перо, можно сказать, во всех литературных жанрах. А хорошо ли это, плохо ли, не знаю, не мне су-

дить. Во всяком случае, не думаю, что это можно поставить мне в заслугу. Полагаю, прежде чем браться и за то, и за другое, неплохо окрепнуть в каком-либо жанре... А все это, в общем, клонится к одному: к чувству ответственности нашей перед народом, которому все мы служим.

Он помолчал.

— Когда у кинемеханика что-то не ладится, ему кричат: «Сапожник!». А почему, собственно, сапожник? Сапожники делают свое дело, один — лучше, другой — хуже. Хороший сапожник приносит больше пользы, чем плохой писатель. Разве не так?

Он провел тыльной стороной ладони по лбу.

— Не одобряю я, знаете ли, и такой практики, когда печатаются слабые произведения молодого писателя со скидкой, так сказать, на его профессиональный возраст. Такие «поощрения» не приносят пользы ни читателю, ни писателю.

— Алексей Николаевич, мне бы хотелось знать, как вы работаете? — спросил я. — Всегда ли вас, как говорят, посещает вдохновение, когда вы трудитесь за письменным столом?

— Как вам сказать? Каждую вещь надо писать с вдохновением. Это естественно. Однако это вовсе не значит, что можно позволять себе отлынивать от работы под тем предлогом, что тебя «не посетило» вдохновение. Я лично работаю ежедневно и не встаю из-за письменного стола, пока не выполню намеченную для самого себя «норму». А самым лучшим временем для работы считаю первую половину дня.

Набравшись смелости, я сказал:

— Разрешите прочесть вам несколько своих небольших рассказов?

— К сожалению, я не знаю вашего языка, — сказал он.

— Эти рассказы переведены на русский язык.

— В самом деле? Так почему же вы до сих пор молчали?

Я прочел ему три рассказа. Два из них он раскритиковал, а один похвалил.

— Ну что ж, брат, теперь по случаю нашего знакомства пообедаем вместе, а? — Алексей Николаевич решительно поднялся. — Пошли.

Мы посидели с ним в ресторане гостиницы «Виктория», где он снимал номер. А на прощанье он подарил мне свою книгу «Хлеб», сделав на ней следующую надпись: «Сулейману Велиеву. В память нашей встречи во Львове и разговора на бульваре, на скамейке, после чашки кофе. Дружески Алексей Толстой, 15 мая 1940 года. Львов».

Сулейман ВЕЛИЕВ.

БАКУ.